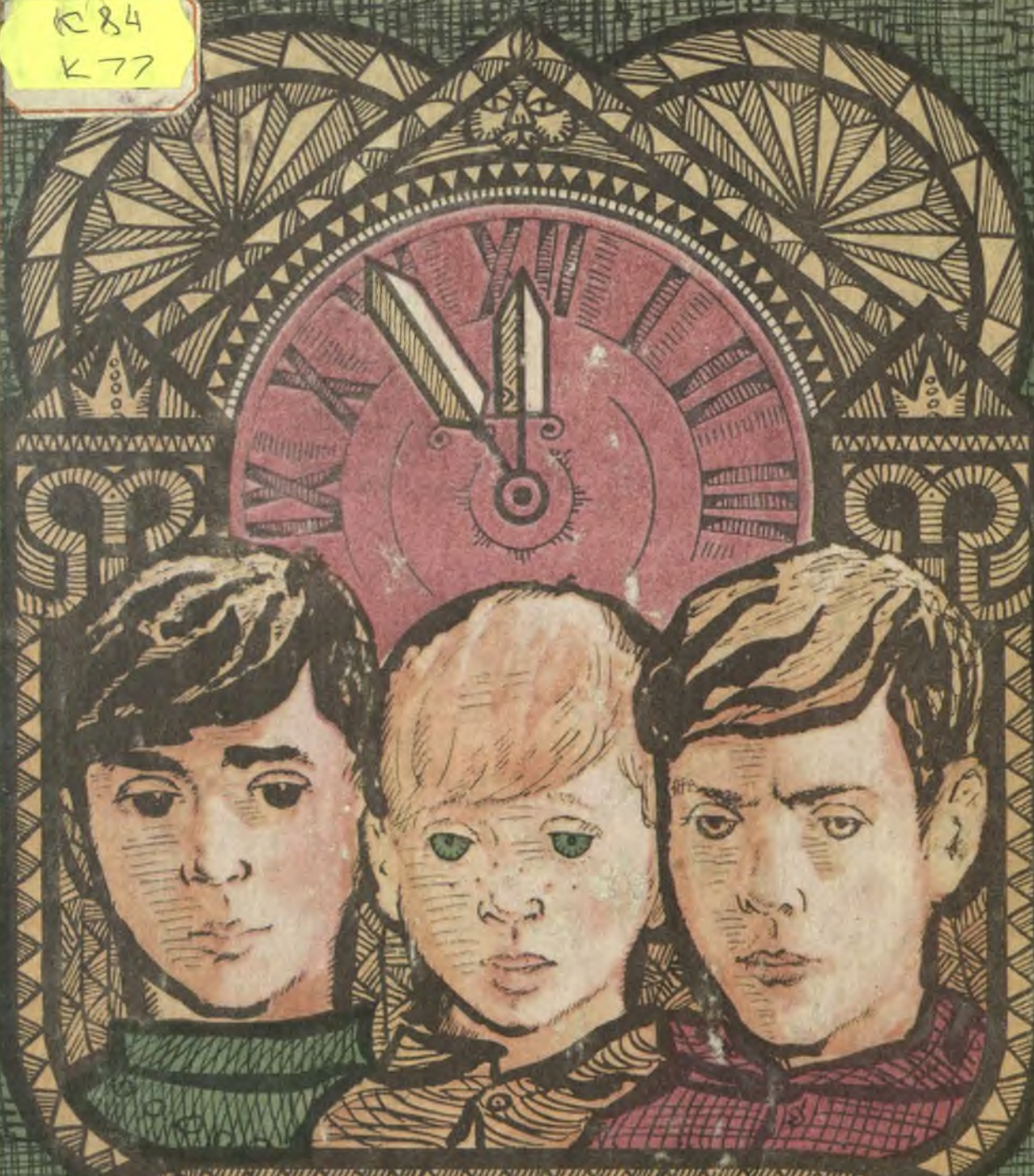

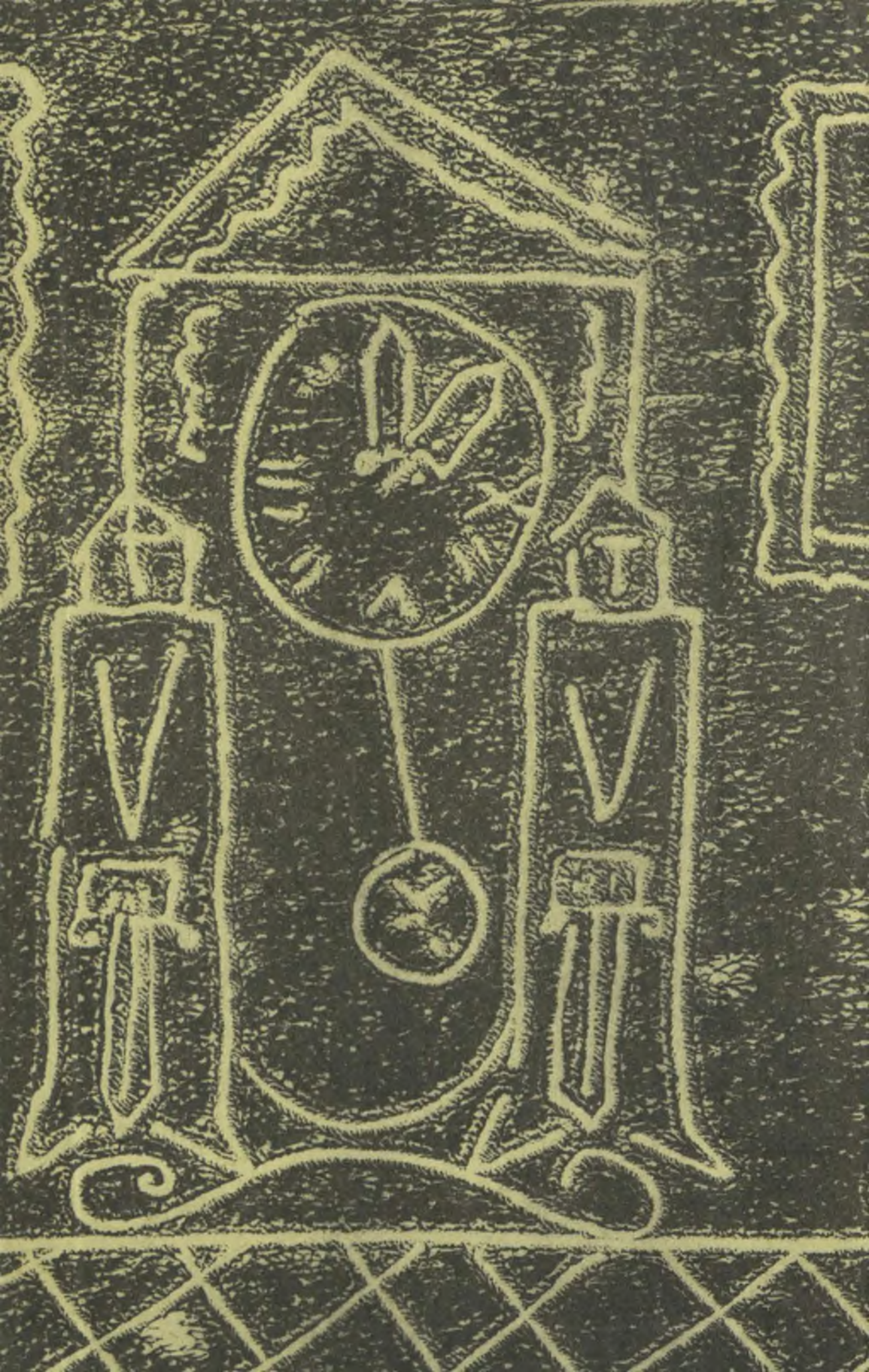
К 84

К 77

В. КРАПИВИН
ДАЛЕКИЕ
ГОРНИСТЫ!

248026

г. ОБД и Ю
Отдел хранения

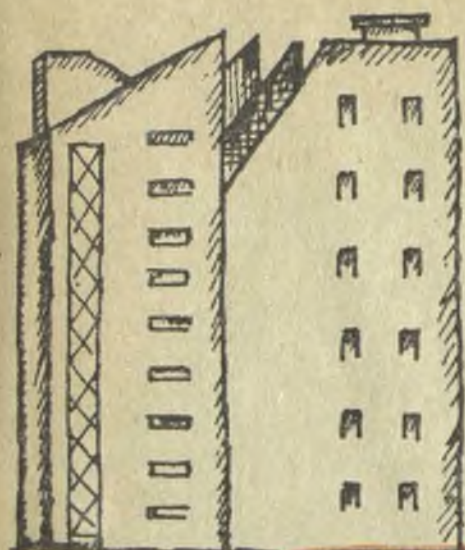

**ВЛАДИСЛАВ
КРАПИВИН**

R84
K78

**ДАЛЁКИЕ
ГОРНИСТЫ**

248026

Средне-Уральское
Книжное Издательство
Свердловск, 1971

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

СОДЕРЖАНИЕ

Флаг отхода	5
Далекie горнисты	14
Старый дом	33
Я иду встречать брата	44
Баркентина с именем звезды	71

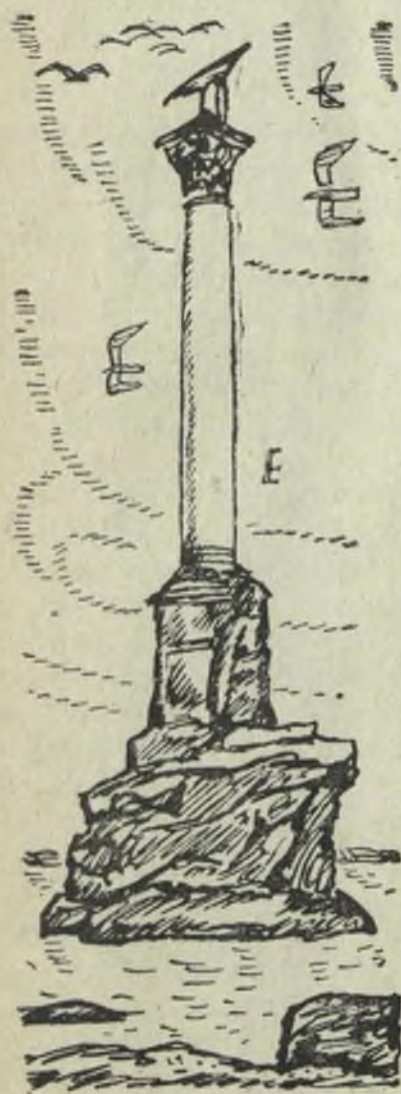
Крапивин Владислав Петрович
ДАЛЕКИЕ ГОРНИСТЫ

Редактор И. Круглик. Художник Ф. Божко.
Художественный редактор Б. Тюфяков.
Технический редактор К. Проскурникова.
Корректор Н. Давыдова.

Сдано в набор 17/II 1971 г. Подписано
в печать 6/V 1971 г. НС 17274. Бумага типо-
графская № 3. Формат 60×90₁₆. Уч-изд.
л. 7,32. Усл. печ. л. 6,5. Тираж 100 000.
Заказ 109. Цена 34 коп.

Средне-Уральское книжное издательство,
Свердловск, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

Когда мне было десять лет, я прочитал повесть Сергея Григорьева «Малахов курган» — книгу о первой обороне Севастополя. После этого Севастополь представился мне скоплением белых домиков, где на горбатых улицах греются под солнцем вытащенные на берег баркасы, а у калиток, до которых докатываются шипучие волны, ржавеют старые адмиралтейские якоря.

Тоска по этому городу была физически ощутимой, как голод или боль. Мне снились заросшие колючками бастионы, чугунные каронады на покосившихся лафетах и ядра, застрявшие в цоколях памятников. И, конечно, корабли.

Я знал, что на самом деле такого Севастополя нет, что он сожжен и разрушен до основания недавними боями. Но это не разбивало мечту. Я верил, что этот город, мой Севастополь, не может погибнуть. Он казался мне вечным, как море. Я счастлив, что мальчишеская вера не обманула меня. Город оказался сильнее войны. Я увидел его таким, каким представлял — вплоть до якорей и чугунных ядер.

Попал я в Севастополь гораздо позже, чем хотел: когда стал уже взрос-

лым и вполне серьезным (по крайней мере, так считали мои взрослые знакомые). Я поехал туда в конце сентября. На Урале, в Поволжье и в Подмоскovie начиналась слякотная осень. Вагонные окна были в мелком бисере дождя. Над разноцветными подмосковными дачами висели такие низкие облака, что казалось: щетина телевизионных антенн вырывает из них клочья.

Поэтому следующее утро показалось мне ослепительно праздничным. За окнами пронесли блестящие от солнца воды Сиваша, мелькнул обрыв с громадными буквами КРЫМ, и поплыла, кружась, желтоватая знойная степь с белыми кубиками хаток и свечками пирамидальных тополей. Не было и намека на осень.

За Симферополем с его нарядным вокзалом потянулись плоские предгорья хребта, а потом открылись Инкерманские высоты с меловыми срезами разработок. Одна гора была срезана наполовину — от вершины до подошвы, словно ударом гигантского ножа. Вверху, у самого края обрыва, уцелел крошечный домик. Я вспомнил, что почти весь Севастополь сложен из белого инкерманского камня.

Здесь, у Инкермана, я впервые увидел Северный рейд. Выход из бухты терялся за желтыми обрывами, и открытого моря не было заметно. Может быть, поэтому обилие судов на рейде особенно бросилось в глаза. В блеске синей воды я видел красные от ржавчины и сурика разоруженные линкоры, белые катера, шаланды, закопченные буксиры, высокие сухогрузные суда с черными бортами и сидящие по палубу в воде танкеры... В этой нестрой толчее, трепете разноцветных флагов и блеске белоснежных надстроек только серые узкие корабли казались неподвижными. Они стояли шеренгой и были похожи на острые зубья громадного гребня.

А у края воды пролетали за окнами заросли кустов с желтой цветочной россыпью, изгороди, лодки, причалы, бакены, вышки и пакгаузы. Бухта открывалась то с одной, то с другой стороны. Поезд с грохотом буравил короткие туннели и опять выскакивал под нестерпимый солнечный свет, мчался у желтых откосов с крепостными башнями, с лестницами, храмами и бойницами, вырезанными в скалах. Потом побежали каменные белые заборы, оранжевые черепичные крыши, а над ними неожиданно возник колоссальный форштень и борт с надписью «Советская Украина». Это стояла у берега знаменитая китобойная база.

Поезд сбавил ход...

На вокзале меня сразу ухватила загорелая сухощавая старушка, пожелавшая сдать комнату. Слегка обалдев от ее напора, я покорно втиснулся в крошечный автобус довоенного вида. Он, завывая, потащил нас куда-то наверх. Через несколько минут мы оказались на улочке, состоящей из побеленных камен-

ных изгородей и глубоко врезанных в них калиток. Вслед за старушкой я нырнул в такую калитку. Двор был закутан в виноградную зелень.

В густой тени у забора послышалась тяжелая возня, и я увидел какого-то зверя. Сначала показалось, что это рыжий коровий подросток. Но зверь поднял голову, и выяснилось, что это пес. У него были младенческие синие глаза и виновато-добродушная морда. Но грандиозные размеры пса наводили оторопь.

— Не бойтесь, ради бога, — заторопилась старушка. — Он мухи за всю жизнь не обидел. Он боится даже божьих коровок. За что кормим, сама не знаю.

Пес вздохнул шумно, как холмогорская корова, и опустил морду на лапы.

Комната моя была пустой и пахла известкой. Я бросил в угол чемодан, проскочил виноградную тень двора и снова нырнул под белое севастьяпольское солнце.

На улице я заставил себя не спешить. Все равно очень скоро должно открыться море — за одним из белых поворотов, в конце какой-то пока неизвестной улицы.

Светлая кремнистая земля блестела не то слюдой, не то осколками стекла. Жаркий воздух целиком состоял из запаха незнакомых трав. Он мелко дрожал от яростного стрекота. Наверно, это трещали цикады.

Запутанными тропинками, мимо кустов и белых решетчатых изгородей я начал спускаться к площадке извилистой лестницы. Лестница убежала в темную зелень. Каменный узор изгородей был похож на поставленные в ряд корабельные штурвалы. За листьями блеснули стекла и белые стены большого дома. Потом я услышал стоголосый веселый гомон и на школьном дворе, окруженном той же штурвальной изгородью, увидел севастьяпольских ребят.

Мне снова почудилось, что я попал на праздник. Наверно, с непривычки. Странно было видеть у школы ребятшек, одетых так легко и разноцветно. Они казались совсем непохожими на уральских школьников, которые почему-то при любой погоде упакованы в серую униформу из сукна, толстого и

жесткого, как казенное одеяло. Была середина дня: первая смена спешила по домам, вторая — на уроки, и на дворе крутилась яркая карусель испанок, матросских воротников, белых и пестрых рубашек, черных морских пилоток и голубых беретов.

Чуть ниже школы на широких перилах лестницы сидел темноволосый мальчик в рубашке очень звонкого голубого цвета. Он поставил на парапет коричневую, в косых белых царапинах ногу и рассматривал брезентовый полуботинок с оторванной подошвой.

«Четвероклассник, — мельком отметил я. — Или нет, скорее он из пятого. У четвероклассников, пожалуй, не бывают так туго набиты портфели». Кроме того, алая звездочка на рукаве говорила о звании октябрятского вожатого. Четвероклассников не назначают на такие ответственные посты. Ну что еще? Учится с первой смены. Вон чернильное пятнышко на щеке — значит, уже потрудился в школе.

А подошву бедняга оторвал здорово, до каблука.

Неловко как-то проходить мимо, если у человека беда. Я остановился и сказал полувопросительно:

— Авария...

Он поднял голову. Я ожидал, что под низко подстриженным чубчиком блеснут глаза, сердитые и темные, как смородина. А у него были серые улыбчивые глаза. И улыбка была чуть виноватая и в то же время немного озорная.

— Вот смотрите, — сказал он мне, как знакомому. — Что теперь делать с ней? — И покачал ногой. Подошва зашлепала по башмаку, и это было похоже на злорадные аплодисменты.

— Здорово ты ее рванул. Где это так?

Он сказал с веселой досадой:

— Да... с мальчиками банку гоняли...

— Что ж эти мальчики тебя бросили? Банку гоняли вместе, а теперь...

Он сказал с неохотой:

— Ну, что они могут... Маленькие еще.

— А-а, — сказал я, снова взглянув на его звездочку.

Конечно, это было не очень-то хорошо — изводить человека пустым разговором, когда нужна помощь. Неожиданно я вспомнил, что в кармане брюк у меня моточек лейкопластыря (перед отъездом я заклеивал им пакет с фотокассетами).

— Ну-ка, сними ботинок.

Он послушно, даже торопливо, сдернул башмак, не развязав шнурка. Я сел рядом и начал прибинтовывать подошву.

Наверное, ему было неловко, что заставил меня работать. Сидел он и тихонько вздыхал.

Двое ребят остановились над нами.

— Ой, Леня на приколе! — весело заметил один. — Ремонтируетесь?

Мой Леня еще раз вздохнул.

— А где твои мальки? — не отставал товарищ.

— Прогнал уроки учить.

— Зря вы ему чините, — заметил второй. — Все равно его салажата ему опять подошвы оторвут. Вместе с пятками.

— Шагайте вы... — сдержанно попросил Леня. Они засмеялись и запрыгали по ступенькам.

Я протянул ботинок.

— Ну, доскачешь до дому?

— Конечно. Спасибо, — с торопливой улыбкой сказал он.

— Тогда за труды скажи мне, как добраться до Херсонеса.

— Да это же просто! На пятом автобусе, прямо от Графской пристани.

— Леня, — проникновенно сказал я. — Представь себе, я пока еще не знаю, где Графская пристань. Это во-первых. А во-вторых, я люблю ходить пешком.

— Пешком? — немного удивился он. — Ну, тогда... тогда так. — Он встал на парапет, поджав ногу, и зажатый в руке ботинком указал куда-то за деревья. — Вы увидите: разбитая церковь на мысу. Разными улицами можно идти, а потом по шоссе...

Мы вместе спустились по лестнице и неторопливо свернули в боковую улочку. Леня брел чуть в стороне, поддавая коленками свой заслуженный портфель.

— Капитан... — окликнул я. — А большая у тебя команда?

— Семь, — сказал он, не поднимая головы.

— Хороший народ?

Он пожал плечами, но вдруг весело глянул на меня и признался:

— Хороший народ.

Он остановился у калитки в белой нише каменной стены.

— Я живу здесь... А вам вон туда.

Я прошел еще несколько улиц. Мимо вокзала, вдоль бухты, похожей на большую реку, забитую судами всех размеров. Через площадь, над которой белела башня с квадратными курантами. По белым лестницам и плитам. Потом за стадионом свернул наугад и остановился словно от толчка холодной ладонью в лоб.

Над белыми террасами улиц, над черепицей крыш, над серыми пустырями, вышками и желтыми развалинами храма стояла туманная и мерцающая стена удивительной синевы. Лишь через долгие доли секунды я понял, что это и есть море. И показалось, что поют камни.

Вечером, просоленный морем и прожаренный солнцем, я возвращался из Херсонеса. Мои карманы неприлично оттопыривались из-за того, что в них лежало множество ценных вещей. Там были пестрые и черные камни, осколки мраморных колонн,

черепки греческих амфор, ржавые гильзы, большая крабья клешня, наконечник маленького гарпуна, обточенные морем бутылочные стекла и плоские перламутровые раковины мидий.

Я не старался идти прежней дорогой, просто хотел выбраться к лестнице. Но так или иначе, оказался на Ленкиной улице. Я узнал ее по двум заметным тополям. Потом я увидел и самого Ленку. Он прислонил к тополю велосипед и звякал ключом по передней оси.

— Опять авария? — спросил я.

Он глянул через плечо и улыбнулся, будто ждал меня.

— Да нет, конуса подтягивал.

Ленька опустил в сумку ключ и мельком, но с любопытством взглянул на мои разбухшие карманы. Я испытывал к этому человеку полное доверие и, не боясь насмешки, протянул на ладони несколько своих трофеев.

— У, какой был зверюга, — с уважением заметил Ленка, увидев клешню. Оценил он и патронные гильзы («Наши, от старого автомата. Знаете, были такие с круглыми магазинами?»). К черепкам он отнесся без интереса, а про самый большой с загадочными буквами M A R, он сказал:

— Этот не старинный, он от черепицы. Есть такая черепица на старых домах.

Кажется, мои уши приобрели цвет этой самой черепицы. Ведь до сих пор я был уверен, что отыскал обломок древнегреческого изделия с остатком таинственной надписи. «Изделие» полетело в траву. Ленка, видимо, почувствовал мое смущение и торопливо предложил:

— А хотите рапану?

Я не понял. Я решил, что он чем-то хочет угостить меня. Но Ленка из кармана (тоже изрядно оттопыренного) извлек раковину. Она была круглая, завитая, размером с мой кулак. Серая, бородавчатая. Но внутри она блестела чистым розовато-оранжевым лаком с перламутровыми разводами.

Конечно, я очень хотел такую раковину. Так хотел, что даже из вежливости не стал отказываться.

— Она шумит, — ласково сказал Ленка. — Вы послушайте...

Я поднес раковину к уху. Из глубины ее наплывал тихий звенящий шум. Ленка ревниво следил: слышу ли?

— Шумит, — сказал я.

— Это не море, — объяснил он с легким вздохом. — Это кровь в ушах звенит. Но все равно похоже, верно?

— Еще бы, — сказал я, разглядывая рапану. В глубине ее от последних отблесков солнца загорался желтый огонек.

— Я и не знал, что здесь есть такие, — сказал я Ленке.

— Говорят, они после войны развелись, — откликнулся он. — Немецкие подводные лодки занесли их в Черное море... А может быть, другие корабли.

Раковина была тяжелая и теплая. Я рассматривал ее, покачивая на ладони. И не знаю, почему так получилось: подвел какой-то мускул или нерв — ладонь вздрогнула слишком сильно, и раковина соскользнула.

Прежде чем рапана долетела до земли, я представил, как на плитах тротуара она рассыплется на острые осколки. И погаснет ее желтый огонек, и оборвется шум. Так бы и случилось, но Ленка успел подставить ногу. Раковина мягко ударилась о коричневые ремешки сандалии и невредимая откатилась по твердому песчаннику.

Мы оба тихонько вздохнули и посмотрели друг на друга. Потом я поднял рапану. На ней не было даже трещинки.

— Не ушиб ногу?

— Не-ет, — небрежно ответил Ленка и покачал ступней. Только сейчас я понял, что он в новой обуви — кожаных плетеных босоножках.

— В таких уж не погоняешь банку, — сказал я просто так, чтобы не угас разговор.

Ленка чуть улыбнулся, глядя в сторону, потом коротко и серьезно взглянул на меня.

— Да я не гонял... Я так сказал... неправду. Ну, понимаете, не всегда ведь будешь все объяснять.

— Конечно, — вздохнул я с легкой обидой на его недоверие. Но у Ленки не было недоверия. По крайней мере, теперь. Он объяснил со скрытой улыбкой:

— Это они оторвали, когда искали один тайный документ. Это игра такая. Я спрятал, а они угадывали, где спрятано. Я думал, не угадают, прибил вчера под подошву, а они угадали, ну и пришлось отрывать...

— «Они» — это твои октябрюта?

— Да.

— Леня, — сказал я, — а не оторвут они тебе когда-нибудь голову? Видно, люди они скорые и решительные.

— Нет, — уверенно ответил он. — Не оторвут, если я не разрешу... А сегодня — это игра такая, — повторил он. — Они искали документ, чтобы знать, что будем делать в воскресенье.

— Узнали?

— Конечно, раз нашли.

— А ты бы его зашифровал еще, для интереса.

— А там нечего зашифровывать. Вот... — Он вытащил из кармана мятый бумажный прямоугольничек, широко закрашенный по краям синими чернилами.

— И это все? — удивился я.

— Да...

— Какой-то тайный знак?

Тогда слегка удивился Ленька.

— Это же флаг отхода. Разве вы не знаете? Это значит, что пора собираться в дорогу. У нас будет поход.

Я не знал, что такое флаг отхода.

— Это буква «П» в международном своде сигналов, — объяснил Ленька. — Такой флаг поднимают на кораблях, когда они собираются уходить в море. Разве вы не видели?

— Леня, — сказал я с укоризной. — Пойми ты, я не видел еще очень многого. Я первый день у моря. Так уж получилось...

— Ну, вы еще увидите, — весело пообещал Ленька.

Он оказался прав. Эти флаги я увидел на следующее утро, над большими теплоходами, на Северном рейде. Синие флаги с белыми прямоугольниками в центре. Они рвались на ветру отчаянно и весело, и сразу становилось ясно, что у моря не кончаются, а только начинаются дороги.

Леньку я больше не встречал. И раковину его не сохранил. Она перепуталась с другими, которые я выловил в Артиллерийской бухте, а потом, дома, раздарил друзьям-мальчишкам. И не жаль было эту раковину. У меня сохранилось более ценное — память о двух встречах с Ленькой.

Он был первым человеком, с которым я познакомился в Севастополе. Он сделал еще ярче неповторимую радость встречи с этим городом.

Я написал «неповторимую». Это действительно так. Потом я много раз приезжал в Севастополь. И каждый приезд туда был как праздник. Но все равно первую встречу не сравнить ни с чем. В ней была радость открытия.

Эту радость можно испытать снова лишь в том случае, если подаришь ее другому.

Посмотришь в изумленные глаза человека, впервые увидевшего море над белыми террасами улиц, и начинаешь чувствовать то же, что и он.

Поэтому, отправляясь в Севастополь, я всегда стараюсь найти попутчика. Я ищу его среди мальчишек, которые мечтают увидеть синие бухты и корабли.

Взрослые люди сердито пожимают плечами: что за причуда — тащить в дальнюю дорогу шумных и непоседливых попутчиков! Они не знают, что игра стоит свеч. А мальчишки не тратят времени на пожимание плечами, не пускаются в длинные разговоры. Они сразу берут быка за рога:

— Где рюкзак, с которым я ездил в лагерь?!

Это просто сон. Я расскажу его точно, как видел. Ни до этого раза, ни потом не снились мне такие подробные и яркие сны. Все помню так отчетливо. Помню, как трогал старые перила в лунном доме и рука ощущала теплое дерево: волнистые прожилки и крепкие затылочки сучков, отшлифованных многими ладонями. Помню, как пружинили доски деревянного тротуара, когда на них качался Братик. Помню, какой большой и выпуклой была тогда луна...

Я видел, что мне одиннадцать лет и я приехал на каникулы к дяде в Северо-Подольск. Не знаю, есть ли на свете такой город. Если и есть, то не тот и не такой. А дядя и правду есть, но живет он в Тюмени. Впрочем, это неважно, в рассказе он все равно не участвует.

Сон мой начинался так: будто я проснулся в дядином доме, в пустой деревянной комнате, звонкой, как внутренность гитары. И понял, что пришло хорошее утро.

Утро и в самом деле было славное. Весело ссорились воробьи, и чирикание их громко отдавалось в комнате.

Часто вскрикивали автомобили. В большом городе такого не услышишь.

Я и раньше знал, что дядин дом стоит у крепостного холма, но не думал, что так близко. Окно смотрело прямо в заросший откос. Он был щедро усыпан цветами одуванчиков. Неба я не видел, но одуванчики горели так ярко, что было ясно: солнце светит вовсю.

Я машинально потянулся за одеждой. На спинке скрипучего стула оказались старенькие синие шорты и клетчатая рубашка. Я таких у себя не помнил, но было все равно. Оделся. Заметил, что рубашка чуть маловата и одна пуговица болтается на длинной нитке.

Потом я распахнул окно. Зеленый с желтой россыпью откос как бы качнулся мне навстречу. Я встал на подоконник и прыгнул в утרו, полное травы и солнца.

Я стал подниматься по холму к развалинам белых башен. Солнце сразу взялось за меня. Даже сквозь рубашку я чувствовал его горячие ладони. Старенькие кеды скользили по траве, и я немного устал. Вытянул руки и лег лицом в желтые одуванчики. Они были мягкие и пушистые. Вы замечали, что у них даже запах какой-то пушистый? Запах летнего утра. Пахло еще травой и землей, но этот пушистый запах был сильнее.

Лежал я недолго. Солнце слишком припекало спину, я вскочил и одним броском добрался до остатков крепости.

Только снизу они казались белыми. Здесь камень был светло-серый, с рыжими подпалинами какого-то лишайника.

Стены почти все были разрушены. Уцелевшими выглядели только две остроконечные шатровые башни. Совсем такие, как рисуют в книжках с русскими сказками. А еще на холме был высокий собор с заколоченным крест-накрест входом, полуразрушенная часовенка и низкий каменный дом. Тоже пустой.

И тихо-тихо. Ни кузнечиков, ни воробьев.

Я оглянулся на город. Увидел коричневое железо крыш, темную зелень тополей, электричку, бегущую по желтой насыпи, два подъемных крана... Там все было так, как нужно. А здесь было не так. Я оказался как бы на острове.

У разрушенной стены валялась чугунная пушка с выпуклым двуглавым орлом на черной спине. Чугун был теплый и шероховатый, весь в оспинках. Я поглядел на уснувшую пушку, перелез через камни и вошел в густую траву. Хорошо помню это ласковое ощущение детства: идешь по высокой траве, раздвигаешь ее коленками, и метелки травы мягко щекочут кожу.

Мне хотелось найти старинную монету или обломок меча, но кругом были трава и камни. Тогда я пошел к башне. Низко, за травой, темнел полукруглый вход.

Я сделал несколько шагов — пять или шесть — и ничего не случилось, но, как мягкий толчок, меня остановило предчувствие тайны. Тайны или приключения. Так бывает и во сне, и наяву: возникает ожидание чего-то необычного. Во сне это чувствуешь резче.

Я остановился и стал ждать. И тут появились эти двое.

Впрочем, не было в них ничего странного. Просто двое мальчишек. Пригнувшись, они вынырнули из похожего на туннель входа и пошли мне навстречу.

Одному было лет одиннадцать, как мне, другому поменьше — наверное, лет восемь.

Старшего я не сумею описать точно. Знаю только, что он был темноглазый, тонкоплечий, с темной, косо срезанной челкой. Черты лица почти забылись, но выражение, сосредоточенное и сдержанно-грустное, я помню очень хорошо. И запомнилась еще такая мелочь: пуговицы на темной его рубашке шли наискосок, словно через плечо была переброшена тонкая блестящая цепочка.

Потом, когда мы узнали друг друга, я называл его по имени. Имя было короткое и звучное. Я забыл его и не могу придумать теперь ничего похожего. Я буду называть его Валеркой: он похож на одного знакомого Валерку. Но это потом. А сначала он был для меня просто Мальчик, немного непонятный и печальный.

Младшего я помню лучше. Это странно, потому что он был все время как-то позади, за старшим братом. И не о нем, в общем-то, главная речь. Но я запомнил его до мелочей. Ясноглазый такой, с отросшим светлым чубчиком, который на лбу распадался на отдельные прядки. Он был в сильно выцветших вельветовых штанишках с оттопыренными карманами и в светло-зеленой, в мелкую клетку, рубашке. Помятая рубашка смешно разъехалась на животе, и, как василек, голубел клочок майки.

У него были темные от вьевшейся пыли коленки и стоптанные сандалии. На левой сандалие спереди разошелся шов: получилась щель, похожая на полуоткрытый рыбий рот. Из этого «рта» забавно торчала сухая травинка.

На переносице у малыша сидели две или три крапинки-веснушки, а на подбородке темнела длинная царапина. Она была уже старая, распавшаяся на коричневые точки.

Верхняя губа у него была все время чуть приподнята. Казалось, что малыш хочет что-то спросить и не решается.

Конечно, разглядел я все это позже. А пока мы сходились в шелестящей высокой траве, молча и выжидательно посматривая друг на друга. Я опять ощутил оторванность от мира. Будто я не в середине города, а в незнакомом пустом поле, и навстречу идут люди неведомой страны. Почти сразу это прошло, но ожидание таинственных событий осталось.

Вдали протяжно затрубил тепловоз. Оба они обернулись. Младший быстро и порывисто, старший как-то нехотя.

— Ничего там нет, — громко сказал Мальчик.

Я подумал, что они говорят про башню, где недавно был. Видимо, это были «исследователи» вроде меня.

— Что вы ищете? — спросил я.

— Следы, — сказал Мальчик.

Малыш встал на цыпочки и что-то зашептал ему в ухо. Мальчик улыбнулся чуть-чуть и молча взьерошил малышу затылок. Тот смущенно вздохнул и смешно сморщил переносицу. «Братик», — подумал я. И с той минуты всегда звал его про себя Братиком. Может быть, это звучит сентиментально, однако другого имени я ему не найду. Был у Мальчика не просто младший братишка, а именно братик — ласковый и преданный.

Но вернемся к разговору. Мальчик сказал про следы.

— Чьи следы?

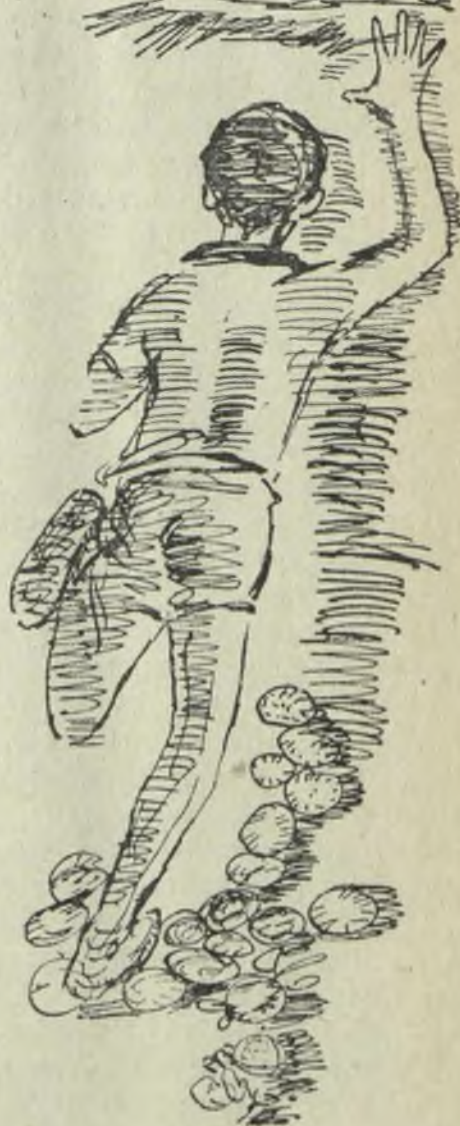
— Времени, — спокойно ответил он.

— Ничего нет, — понимающе сказал я. — Никаких монет, никакого ржавого обрывочка кольчуги не найдешь. Только пушка. Но ее не утащишь для коллекции.

— Пушка — это не то, — сказал он рассеянно. И спросил, как бы спохватившись: — А камней с буквами не видел?

— Нет.

— Значит, никто не знает, где мы, — сказал он почти шепотом и опустил голову. — Иначе они вырубали бы на камнях какой-нибудь знак. Такой, что не стерся бы... Хотя бы одно слово.

248026

— Твои знакомые? Туристы? — спросил я с разочарованием, потому что только туристы пишут на старинных камнях.

— Нет, — с короткой усмешкой ответил он. — Тогда туристов не было.

«Когда?» — хотел спросить я, но что-то помешало. Не страх и не смущение, а какая-то догадка. И потом, когда он все рассказал, я не удивился и поверил сразу.

Мы стояли по колено в траве, и на ее верхушках лежала между нами тень жестяного флага-флюгера башни. Я шагнул, разорвал тень коленями и встал рядом с Мальчиком.

— Пойдем, — не то сказал, не то спросил он, и мы пошли рядом, словно сговорившись, что у нас одна дорога.

Из травы мы выбрались на каменистый пятачок. Там сидел и щурился рыжий котенок. Он увидел нас и разинул маленький розовый рот: или зевнул, или сипло мяукнул.

— Ой!.. — радостно сказал Братик. Шагнул было к котенку, но раздумал и стал шевелить пальцами в разорванной сандалиии. Торчащая соломинка задергалась. Котенок припал к камню и задрожал от азарта.

Потом он прыгнул на сандалию.

— Пф, — сказал Братик и легонько топнул. Ух, какой свечкой взвился рыжий охотник! А потом вздыбил спину и боком, боком, боком, на прямых ногах ринулся прыжками в травяные джунгли.

— Ой! — уже встревоженно воскликнул Братик. И помчался следом. И мы тоже.

Котенка мы не нашли, но было так здорово бежать по траве под горячим солнцем! Мы промчались через весь холм и остановились у противоположного откоса. Глинистая крутая тропинка сбегала среди одуванчиков к городу. Братик раскинул руки и помчался, поднимая подошвами дымки рыжей пыли. Мальчик молниеносно и как-то встревоженно бросился за ним. И я помчался!

Цветы одуванчиков сливались в желтые полосы. Синий воздух шумно рвался у щек, свистел в ногах. Город летел ко мне, и я летел к нему навстречу.

Впрочем, внизу я полетел по-настоящему — запнулся за кирпич. Левое колено попало на щебень. Еще не открывая глаз, я знал, что кожа содрана до крови. Тоже ощущение детства, хотя и не очень ласковое. Конечно, хотелось зареветь, но пришлось сдержаться. Я открыл глаза.

Мальчик лежал рядом. Ничком. Над ним встревоженно склонился Братик. Резкий страх поднял меня на ноги. Я потрянул Мальчика за плечо.

— Что с тобой?

Он приподнял голову и посмотрел так, словно хотел увидеть не меня, не эту улицу, а что-то совсем другое.

— Ничего, — устало сказал он и встал. — Все то же.

Я занялся своей раной. На колене багровел кровоподтек. Из длинных черных царапин щедро выкатывались алые горошинки крови.

— Приложи подорожник, и все пройдет, — негромко, со знанием дела посоветовал Братик. Я кивнул и, хромя, отправился искать подорожник. И не знаю, как оказался в незнакомом переулке. Темнели с двух сторон массивные старинные ворота, лежала тень, и сами по себе скрипели деревянные тротуары.

Стало грустно, что вдруг потерялись новые друзья. Чувствовал я, что встреча была не случайной.

Я стал искать. Менялись улицы, наклонялись навстречу дома. Пружинили под ногами тротуары, и качались травы. Солнце уходило за купол старинного крепостного собора.

Наконец я увидел Мальчика и Братика. Они стояли у массивных ворот бревенчатого дома. Дом был похож на деревянную крепость.

Мальчик стоял, прислонившись к столбу калитки, а Братик лениво качался на прогнувшейся доске тротуара.

— Куда вы исчезли? — обрадованно сказал я. — Бегаю, ищу...

— Никуда, — равнодушно сказал Мальчик.

— Пойдем навверх.

— Нет.

— Почему?

— Не знаю.

— Ну... разве здесь лучше?

— Не знаю... — опять сказал он. — Не пойму. Здесь все какое-то ненастоящее. Будто все только кажется. — Он пошатал доску забора, словно проверял: может быть, и она не настоящая.

Я не удивился, только стало обидно.

— А я? — спросил я с неожиданной горечью. — Значит, и я не настоящий? Ну, посмотри... — Я протянул ему ладонь.

Он подумал, взял меня за рукав. Потом его узкая ладонь охватила мою кисть.

— Ты? Ты настоящий! — сказал он как-то светло и радостно.

И я понял, что он мне нужен, что я хочу такого друга.

Помню, что с этого момента я стал звать его по имени.

А Братик смотрел на нас молча и покачивался на доске.

Над крышами зеленел край холма, и острые башни с флюгерами белели, как декорации к сказке.

Глядя на башни, Валерка сказал:

— Мы жили здесь... Вернее, здесь, но... не так. Крепость была целая, и башни новые. И люди там жили... А кругом поля. И такая высокая трава. Она при луне как серебро.

— Когда это было? — спросил я, и стало немного страшно. Он вздохнул и, как бы делая трудный шаг, тихо ответил:

— Ну... наверное, пятьсот лет.

— Да, — неожиданно подтвердил Братик.

Как будто холодная волна прошла между нами. Словно все эти пятьсот лет дохнули ветром, чтобы развеять нас в стороны. Я торопливо шагнул ближе к Валерке.

— Слушай... А может быть... это тебе только приснилось?

Он не обиделся и не ответил. Только головой покачал. Потом сказал:

— Это здесь, как во сне... если бы не ты.

И было так хорошо, что он сказал: «Если бы не ты». Значит, он тоже хотел, чтобы я был. С ним!

Но это время... Пятьсот лет!

— Как же ты... Ну, как вы попали сюда?

— Я расскажу. Потом, ладно?

Мы помолчали.

— А как вы живете, у кого?

Валерка небрежно оглянулся на дом.

— Не знаю. Мне все равно. Какие-то старики... Вот он знает, наверное... — И Валерка посмотрел на Братика. Тот молчал и понимающе слушал нас. Видимо, он знал. Кажется, он вообще знал больше брата.

— А... — начал я и вдруг замолчал, устыдившись пустых слов. Отчетливо и на всю глубину вдруг почувствовал, какая же тоска должна быть у этого мальчишки. Как ему хочется домой, где новые белые башни и лунная трава у крепостных стен.

— И никак нельзя вернуться?

Он медленно поднял глаза на меня и пожал плечами.

И тогда опять на цыпочки встал Братик. Он что-то сказал ему. Валерка слушал недоверчиво, но внимательно. Потом произнес вполголоса:

— Да ну... сказка.

Братик зашептал опять. Валерка виновато взглянул на меня.

— Он говорит, что, если найти очень старый дом... со старинными часами...

— Ну?

— И перевести часы назад...

— На пятьсот лет? — спросил я у Братика.

— Да, — шепотом сказал он.

— И тогда что?

— Тогда, наверное, порвется цепь...

— Какая цепь?

— Не знаю...

— А откуда ты все это взял?

— Не знаю... — Он чуть не плакал, оттого что не знает.

Валерка ласково взял его за плечо.